

Грамматические средства моделирования тропов как продуктивные репрезентанты оценочных значений в современном украинском языке: лексико-грамматический оксюморон

OXSANA VLADIMIROVNA KHALIMAN

*H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University
(Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды),
Valentynivska St. 2, UA – 61168 Kharkiv, khaliman_oksana@ukr.net*

1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article

---

V članku so predstavljene značilnosti oblikovanja leksikalno-slovnčnih oksimoronov za izražanje aksioloških pomenskih odtenkov v ukrainščini. Mehanizmi tvorbe jezikovnih enot na podlagi nasprotujoče si združljivosti leksikalne in slovnčne semantike se kažejo na ravni edninskosti – množinskosti, množine – ednine, brezstopenjske značilnosti – stopnje izražanja značilnosti, postopka in trajanja aktivnosti – njegove omejitve. Za posebno izvedbo v smislu izražanja vrednotenja opisanih tipov je značilno oblikovanje več edninskih oblik in ustvarjalno modeliranje oblik stopenj primerjave.

The features of modeling lexico-grammatical oxymorons to express axiological nuances of meanings in Ukrainian are described in the article. The mechanisms of forming linguistic units on the basis of the conflicting compatibility of lexical and grammatical semantics are characterised: singularity/plurality; plurality/the singular; non-graded feature/degree of expression of a feature; procedural, duration of an action/its limit. The particular performance in terms of expressing evaluation among the types described is characterised by the formation of multiple singular forms and creative modeling of the forms of the degrees of comparison.

Ključne besede: trop, leksikalno-slovnčni oksimoron, vrednotenje, ukrainščina

Key words: trope, lexico-grammatical oxymoron, estimation, Ukrainian

---

0 Введение

Для вербализации элементов окружающей действительности говорящие используют систему языковых средств, актуализируя свою лингвокреативность, создавая образные номинации, моделируя орнаменталику. При этом, как известно, может возникать семантическая двуплановость между языковыми единицами, основанная на ассоциативных связях. Именно перенос

значения является основой создания тропов, т. е. орнаментальных образований, образных характеристик, смоделированных «с помощью вторичных смысловых значений» (Гром'як 2007: 679).

Корни языковой тропеичности (языковой способности к созданию тропов) заложены, как известно, в асимметрии плана содержания и плана выражения языковых единиц. В процессе образного их переосмысления систематически наблюдается осознанное отклонение от нормы. На это обратил внимание еще Квинтилиан, подчеркивая, что на денотативное значение таких единиц накладывается особая выразительность, возникающая вследствие актуализации системных мыслительных операций тождества, сходства, смежности и контраста. Это и есть образные субэлементы, основа механизмов «приращения» смысла (Мацько 2005: 327).

Фактически «тропы являются стилистически маркированной вторичной номинацией» (Там же), а их лингвистическое объяснение находим, естественно, в работах по стилистике. Способность выполнять *оценочную функцию*, как отмечает Л. Дейна, отражает потенциал тропов, поскольку выражение собственного мнения об объекте в форме метафоры, оксюморона, перифразы и т. д. демонстрирует авторское отношение, его равнодушие к конкретному объекту, положительно или отрицательно маркированную ценность (Дейна 2016: 140–141). С целью создания точных и ярких аксиологически маркированных художественных образов мастера слова пользуются мощным ресурсом изобразительно-выразительных средств, иллюстрируя свою лингвокреативность.

Моделирование отдельных тропов демонстрирует актуализацию *грамматических средств*, сопровождающуюся появлением *оценочных оттенков* значения. В процессе речевой деятельности отношения между системой языка и типичными контекстами постепенно кодируются в языковую, в частности грамматическую структуру, т. е. грамматикализируются¹. Наблюдаем также закрепление оценочной семантики, оценочных функций за грамматическими единицами, как следствие этого оценка занимает свое место в грамматической системе. Исследование грамматических средств моделирования тропов — одна из актуальных проблем лингвоаксиологии и, в частности, грамматики оценки как ее составной части.

Цель этой статьи — описание особенностей моделирования лексико-грамматического оксюморона для вербализации аксиологических оттенков значений в украинском языке. Иллюстративным материалом исследования послужили художественные тексты (примеры отобраны из произведений украинских писателей кон. XIX – XX веков), разговорная речь (примеры зафиксированы в повседневном общении жителей восточного и центрального регионов Украины), а также данные современных словарей лексико-грамматических инноваций украинского языка.

---

¹ *Примечание.* Проблема грамматикализации языковой семантики уже была представлена в статьях журнала «Slavia Centralis» на материале других языков (см.: Bennett 2013).

1 Оксюморон

Оксюморон создается, как известно, вследствие сочетаемости «резко контрастных, противоположных по значению слов» (Гром'як 2007: 505). Однако этот термин используется в языкознании не только для обозначения тропа, функционирующего в художественном тексте. Сфера его применения значительно расширяется: ученые выделяют оксюморонную метафору (Калита 2013), оксюморонные синтагмы (Завалій 2015) и др.

В современном языкознании оксюморон причисляют к креативным средствам формирования новизны словесных образов, высокой их экспрессивности. Описывая иллюстративный материал, подобранный из текстов разных стилей, В. Сухенко выделяет соответствующие лексико-семантические группы, определяя функционально-прагматические возможности оксюморона, и делает вывод о том, что в языковой картине мира он интерпретируется в соответствии со спецификой национального мировоззрения, мирозерцания и миропонимания, реализует большой заряд экспрессии, вызывает различные эмоции (Сухенко 2017), и, следовательно, связан с выражением *оценочных смыслов*.

1.1 Лексико-грамматический оксюморон

Как представляется, необходимо актуализировать понятие *лексико-грамматический оксюморон*, функционирование которого основано на моделировании оксюморонных грамматических форм. Считаем, что оксюморонные грамматические формы возникают как следствие формообразования, в процессе которого наблюдается несовместимость грамматического значения формы и лексического значения слова. В. Виноградов подчеркивал, что «грамматика и лексика не только взаимодействуют, но и борются друг с другом» (Виноградов 2001: 369). Такое противоречие между лексическими и грамматическими семантиками достаточно ярко проявляется в морфологии в процессе моделирования так называемых *грамматических игр* (Халиман 2010: 51). Функционирование лексемы в несвойственной для нее словоформе обеспечивает создание грамматической образности. Прослеживается не внешний контраст, возникающий между контекстом и формой, а внутренний — между формой и ее наполнением. Таким образом, актуализируя свою креативность, говорящий следует языковым установкам и «исправляет несправедливость» (Норман 2006: 38), заполняя определенные лакуны из-за отсутствия в языковой системе готовых средств, доводя ее до условной идеальности, что мотивировано условиями коммуникативных ситуаций.

В системе лексико-грамматического оксюморона выделяем следующие типы, основанные на таких векторах конфликтности лексической и грамматической семантики:

- 1) сингулятивность / множественность;
- 2) плюральность / единичность;
- 3) неградуированный признак / степень выражения признака;
- 4) процессуальность, продолжительность действия / его предельность.

2 Лексико-грамматический оксюморон: сингулятивность / множественность

Лексико-грамматический оксюморон, базирующийся на конфликтном сочетании смыслов *сингулятивность / множественность*, связан с креативной реализацией категории числа и регулярностью образования коррелятивных числовых пар существительных, имеющих неполную парадигму, а также с функциональными (прагматическими) особенностями употребления этих форм в речи. В процессе такого употребления грамматическое единственное число заменяется «стилистическим» множественным (Дудик 2006: 14).

Существительные-сингулятивы реализуют свои потенциальные возможности образования форм множественного числа вследствие актуализации самых разнообразных оттенков значения на основании вербализации пренебрежительного отношения к действительности, напр.:

(укр.) *Глянеш — це молода, а вже в плаття не влазить, і це при тому, що димом дихаємо, всякими там ангідридами...* (О. Гончар); *Я думаю, що тут мусять згинуть всякі неврагії та інші хвороби, хоч би від самого повітря й води* (Леся Українка).

Такие формы множественного числа, по мнению Д. Арбатского, становятся все более распространенными в художественной речи (Арбатский 1972: 95), что подтверждают и данные авторской картотеки на материале украинского языка (высокая частотность распространения исследуемой модели) (См. об этом Халіман 2019: 175–184, 372).

Такие неполные парадигмы, как отмечает Ж. Колоиз, могут легко трансформироваться в полные, поскольку в системе языка заложен определенный потенциал (Колоїз 2007: 195). Существует мнение, согласно которому все слова *singularia tantum* имеют обе числовые формы; множественное число характеризуется в этом случае как потенциальное: практически подобные формы употребляется редко, но при необходимости они могут актуализироваться — такие конструкции легко моделируются по существующей схеме, а носители языка их без труда воспринимают (Зализняк 1977: 5). Высказанную точку зрения поддерживает Ж. Колоиз, утверждая, что граммы множественного числа для существительных *singularia tantum*, как и граммы единственного числа для существительных *pluralia tantum* являются потенциальными, по крайней мере, языковая система предоставляет возможности для актуализации таких форм. Данная способность может реализоваться или не реализоваться, а впоследствии такие реализованные потенциальные возможности могут быть приняты или не приняты узусом (Колоїз 2007: 196). В конкретных речевых ситуациях происходит реализация указанных возможностей, что и способствует появлению «окказиональных грамматических модификаций в парадигме морфологической категории числа» (Колоїз 2007: 196). Окказиональные формы демонстрируют актуализированные грамматические креативные возможности существительных *singularia tantum* и свидетельствуют о модификации их числовой парадигмы, обеспечивающей участие последних в выражении значения оценки, ср.:

(укр.) *Ви казитесь, ви тонете в розкошах* (для выражения отрицательного оценочного смысла) (Л. Костенко).

Особое внимание в системе сингулятивов привлекают формы имен собственных, которые из-за функции индивидуализации, как правило, не употребляются в форме множественного числа, а наличие такого употребления свидетельствует о порождении вторичных смыслов. Идентификационная функция имен (идентифицировать объект и выделить его из ряда однородных) базируется на представлении о единичности и, соответственно, выражается в форме единственного числа. Учитывая это, исследователи отмечают, что онимы, как правило, обозначают объекты, не подлежащие счету. Безусловно, топонимы, ойконимы, космонимы, эргонимы связаны с понятием единичности. Образование форм множественного числа данных слов сопровождается определенными семантическими преобразованиями, сближающими их с апеллятивами. Как отмечает С. Макарова, такие формы единственного и множественного числа не выражают соотношения «единичность (один предмет)» — «множественность (два, много однотипных предметов)» (Макарова 1982: 56). При таком формообразовании сема множественности вступает в конфликт с лексической семантикой существительных в целом: моделируются формы множественного числа, не сводимые к сумме лексического значения исходной формы единственного числа и грамматической семантики множественности (Пивоварова 2009: 9), напр.:

(укр.) *Ви... побачили усякого начиння в тих Італіях* (Леся Українка); *І не скарать тебе душителям сибірами і солівками* (В. Стус).

Образование форм множественного числа противоречит функции имен собственных, а именно: выделять предмет или явление из ряда однородных, что и обуславливает возникновение определенных коннотаций, в том числе и значений отрицательной оценки.

В отличие от названных выше групп собственных имен, антропонимы изменяются по числам. Эта особенность на первый взгляд противоречит природе онимов, служащих для индивидуализации предмета, что объясняется неизбежной способностью фамилий, имен или отчеств повторяться, а также тем, что они закреплены в одной и той же форме за разными носителями. Однако, называя как реальных людей, так и героев литературных произведений, имена собственные в процессе образования форм множественного числа могут приобретать новые смыслы, не только выражая множественность, но актуализируя оценочные значения (См. об этом Халіман 2010: 171–193), напр.:

(укр.) *Ач! Тюря чортова! Забралась в чужу солому та й шелестить ще!.. «Пустягиний!» А ваші Куропаткіни, Рождественські, Стеселі хороші? Один тільки й був порядний Кондратенко — та й то не кацап, а українець. Цього вони не знають! Кацапури!* (В. Винниченко).

В исследованиях по стилистике украинского языка представлено описание функционирования форм множественного числа собственных имен в сатирических литературных жанрах, где моделируется своеобразный смысловый

«колорит для выражения презрения, пренебрежения, сарказма и вообще отрицательного отношения к совокупности типов, лиц и явлений» (Чередниченко 1962: 291). Отрицательное отношение на письме может быть представлено написанием этих существительных с маленькой буквы, свидетельствующем об апеллативации (переходе собственного имени в нарицательное без аффиксации) и изменении функций таких слов, напр.:

(укр.) — *Отих гітлерів, антонесок, отих міністрів, яким не сидиться без воєн... Я закував би їх у ланцюги і водив би...* (О. Гончар); *Гострив щодня, бо й тупив щодня, від кайнів усяких одбиваючись* (О. Ильченко).

Причину образования подобных морфологических неологизмов Ж. Колоиз видит в реализации языковой потенции для решения «соответствующих коммуникативных задач», вербализации прагматической информации (Колоіз 2007: 24).

В процессе образования форм множественного числа от имен собственных реализуется принцип обозначения соответствующего класса предметов по одному из них, что и вызывает определенные коннотации. Имена в форме множественного числа называют совокупность лиц, в той или иной степени идентифицирующих признак или набор признаков, характеризующих носителя имени (персонажа художественного произведения или исторического деятеля), напр.:

(укр.) *А скільки ж їще було, тих «отаманів», що терзали тіло України нашої?! І Шепель, і Волох, і Волинець, і Болбачан, і Козир-Зірка, і Ляхович... І різні мордалевичі, зелені, заболотні... Отаких предків мали теперішні бандери, бульби та мельники... Доля їхня така ж, як і інших бандер-попередників* (Остап Вишня).

Именно благодаря тому, что носители имени общеизвестны, и открываются возможности для их перехода в имена-обобщения, своеобразные символы. Такие единицы функционируют как прецедентные феномены, отличаются воспроизводимостью в дискурсе отдельной языковой личности, эпохи при условии осведомленности об этом феномене других представителей данного лингвокультурного сообщества.

С целью вербализации оценочных смыслов отонимные формы множественного числа употребляются не только для обозначения множественности, но и для характеристики отдельного человека. Например, И. Ревзин исследует распространенный стилистический прием, заключающийся в том, что «о личности, которую хотят унижить, говорят во множественном числе» (рус. *зоценки, юнгманы*) (Ревзин 1969: 107). В таком случае отрицательная оценка базируется на эффекте гиперболизации, уменьшающем значимость единичного объекта, теряющего свою индивидуальность в семантике неоднородной множественности.

Таким образом, оксюморонные формы множественного числа, образованные от имен собственных, могут использоваться для реализации оценочных функций как относительно совокупности лиц (*обобщающая множественность*), объединенных в результате обобщения по определенному признаку, так и относительно отдельного лица, предмета или явления (*множественное*

гиперболическое) (См. об этом Халиман 2010: 138–143, 143–189). Трансформация значения происходит за счет: а) потери признаков онима, б) сближения его с именем нарицательным и в) наращивания оценочного компонента.

Номинативная функция рассматриваемых единиц в формах множественного числа трансформируется в атрибутивную. Появление таких отонимных образований объясняется отсутствием в языке «готовых» средств для выражения необходимых значений, что приводит к необходимости нарушения автоматизма для реализации определенных функциональных целей. Коннотативные имена собственные (коннотонимы), как и все оценочные номинации, отличаются преобладанием в их системе пейоративной оценки. Проведенный анализ подтверждает существующее мнение о том, что подобные примеры актуализации лексико-грамматического оксюморона характеризуются регулярностью функционирования в украинской речи, а их употребление в произведениях писателей XIX – XX вв. свидетельствует о традиции реализации такого аксиологического механизма в речевой практике.

3 Лексико-грамматический оксюморон: плюральность / единичность

С креативной реализацией категории числа связано также моделирование лексико-грамматического оксюморона, основанное на конфликтности смыслов *плюральность / единичность*. Как известно, формы существительных *pluralia tantum*, характеризующиеся «определенным видоизменением семантики и эмоциональной окраски» в формах единственного числа, наполнены возможностью актуализации дополнительных стилистических оттенков, напр.:

(укр.) *Ця кадра ще покаже* (фрагмент из разговорно-бытовой речи, иллюстрирующий актуализацию отрицательного смысла) (Дудик 2006: 14).

В украинском языке прослеживаем реализацию этой модели в сочетании с другими средствами выражения оценки как следствие их аппликации: в исследуемом контексте употребляются и образованная экспрессивно-оценочная форма единственного числа (укр. *кадра*), и нормативная форма множественного числа (укр. *кадри*), при этом писатель-юморист вербализирует также вежливую форму множественного числа, создавая ироническое отношение к отрицательному персонажу. ср.:

(укр.) — *Поклади їх у коляску, А я пройдуь пішки. До відділення вези, Та не дуже їх тряси, Хай не утомляються, — Такі кадри на дорозі Просто не валяються* (П. Глазовий).

Образование окказиональной формы единственного числа от существительного *pluralia tantum* (укр.) *кадри* обеспечивает моделирование вторичных оттенков, связанных с выражением аксиологических смыслов. Юмористический эффект и степень проявления отрицательной оценки усиливаются и при помощи актуализации несоответствия формы женского рода единственного числа (*кадра*) и пола называемого лица. Экспрессивно-оценочная форма единственного числа *кадра* употребляется в названии произведения,

что, как известно, выражая сильную текстовую позицию, дает первичную информацию о тексте, поэтому содержит наиболее выразительные формы.

Употребление существительных в единственном числе как нарушение современной языковой нормы, наблюдаемое в художественной речи, из-за низкой частотности их употребления И. Голуб считает грамматическими архаизмами (Голуб 2003: 42). Г. Хайрутдинова также отмечает непродуктивность зафиксированных подобных форм — расширение парадигмы числа наблюдается вследствие немногочисленных индивидуально-авторских употреблений, встречающихся в русском языке (Хайрутдинова 2009: 26). Материал авторской картотеки подтверждает актуальность таких утверждений и для современного украинского языка (низкая частотность распространения).

В этой модели лексико-грамматического оксюморона наблюдаем две разновидности употребления:

- 1) использование формы единственного числа, образованной от существительных *pluralia tantum*, для номинации одного человека или предмета (укр. *кадра*). Слово, традиционно соотносящееся в сознании носителей языка с множественностью, в процессе его грамматического оформления в форме единственного числа воспринимается как окказиональное и вербализует смысловые оттенки пренебрежительности;
- 2) применение формы единственного числа, образованной от существительных *pluralia tantum*, к совокупности лиц или предметов (укр. *аплодисмент, алімент, мемуар*). Вербализуя множественность в грамматической форме единственного числа, говорящий ставит под сомнение важность называемого — предметов, лиц или явлений, чем и обеспечивает создание соответствующей отрицательной коннотации, ср:

(укр.) *І на що цього разу я витрачу цей алімент?* (3 розм. мовл.).

Анализ собранного фактического материала свидетельствует о наличии ограниченного количества примеров использования единственного экспрессивно-оценочного числа, что подтверждает точку зрения о низкой частотности употребления подобных форм и характеризует рассматриваемый механизм как непродуктивный в современной украинской речи.

4 Лексико-грамматический оксюморон: неградуированный признак / степень выражения признака

Новые тенденции современной коммуникации реализуются в регулярном употреблении оксюморонных форм прилагательных, смоделированных на основе конфликтности сем *неградуированный признак / степень выражения признака*. Украинские ученые (Г. Вокальчук, О. Жижома, Ж. Колоиз, Н. Костусьяк, Д. Рязанцева, Л. Семененко и др.) основательно исследовали особенности образования форм компаратива и суперлатива прилагательных в современном украинском языке. Тщательно рассмотрены факты ненормативного употребления этих форм, выделены определенные типы грамматических девиаций, в частности речь идет о наблюдаемой в украинской речи тенденции образования

таких форм от относительных, притяжательных прилагательных и качественных прилагательных, называющих неградуированный признак. Говорящие моделируют новые смыслы путем «пренебрежения» действующими языковыми нормами. Они позволяют себе изменять формальные традиционные грамматические параметры, закрепленные системой языка, для моделирования новых прагматических норм.

Украинские ученые утверждают, что отдельные слова имеют более широкие возможности для реализации узуально закрепленных за ними морфологических категорий. Ж. Колоиз приводит примеры употребления относительных, притяжательных и порядковых прилагательных в несвойственных для них компаративных и суперлативных формах, иллюстрируя факты нарушения морфологической нормы. Подобные образования могут представлять градационные ряды (ср.: укр. *весняний* — *весняніший*, *наш* — *нашіший*, *перший* — *перііший*) и потенциально способны их закрыть (ср.: *найвесняніший*, *найнашіший*). Грамматические модификации, представляющие категорию соотносительной интенсивности признака, по мнению указанной выше исследовательницы, возникают на основании отклонения от нормы. При этом демонстрируется порождение своеобразной прагматики, происходит актуализация окказиональных образований (Колоіз 2007: 119), напр.:

(укр.) *Бубонці та строкаті гамаші, Модерняцький костюм і жабо... Наші хлопці, без винятку, наші, Вже **нашіших** не буде, їй-бо!* (Р. Лубківський) (Словотворчість 2017: 327).

Анализируя особенности нарушения языковой нормы в процессе функционирования украинского прилагательного, Д. Рязанцева отмечает, что носители языка «прибегают к сознательному отклонению от нормы для того, чтобы достичь определенного эффекта и передать с помощью необычного слова дополнительный смысл», а образование степеней сравнения относительных, притяжательных, порядковых, местоименных прилагательных и качественных прилагательных, называющих неградуированный признак, «происходит обычно вследствие расширения значения слов и наслоения переносных значений, а также для достижения определенного стилистического эффекта, усиления воздействующей силы высказывания» (Рязанцева 2011). Д. Рязанцева утверждает, что такие формы «используются для актуализации соответствующего *оценочного значения* прилагательного — положительного или отрицательного, что объясняется авторским замыслом и влиянием контекста» (Рязанцева 2013: 76). Возникает противоречие между лексическим значением прилагательного и его формой, моделирование которой осуществляется с целью выражения оценочных смыслов. Таким способом «реализуются заложенные в формах прилагательных потенциальные смысловые оттенки» (Рязанцева 2013: 83).

Отмеченные исследователями особенности, представляющие сложившуюся тенденцию, продолжают активно реализовываться в современной украинской речи. В частности, в современной речевой практике украинцев распространены случаи образования форм степеней сравнения от относительных прилагательных:

(укр.) книжніший, найвелосипедніший, найдніпропетровський, найісторичніший, найкиївський, найльвівський, найпольський (Словотворчість 2017).

Данное формообразование характерно для прилагательных, »представляющих значение темпоральной и локативной атрибутивности, вещественности, адъективов общественно-политической и научной сфер« (Рязанцева 2013: 11), ср.:

(укр.) Юрка Коха називають «найльвівським художником» (Літературна Україна, 20.06.2014) (Словотворчість 2017: 257); Але цей номер особливий, «найпольський», бо всі 300 сторінок його дихають Польцею (Україна молода, 70/2014) (Словотворчість 2017: 258).

Это формообразование, как отмечалось, приводит к некоторым изменениям структуры слова. Происходит расширение семантического наполнения слов и сужение их функций в прямом значении, наслоение переносных значений, что приводит к моделированию потенциальных смысловых оттенков слова. Как видим, прилагательное с локативным значением укр. львівський в процессе образования формы укр. найльвівський, действительно, частично теряет значение 'пребывающий во Львове' (не обязательно находится во Львове), но появляются новые оттенки значения: 'соответствующий особенностям Львова в высшей степени', 'такой, как во Львове', 'типично львовский', 'львовский до глубины души', что способствует актуализации его положительной оценки. Следовательно, расширение семантической структуры этого прилагательного предопределяет его использование в новых качественных значениях, в частности и оценочных, изменяются грамматические признаки данной леммы, однако в современных словарях отсутствуют соответствующие указания на возможность подобного употребления слов.

Анализ фактического материала позволяет квалифицировать зафиксированные модели как проявление современных тенденций оксюморонного формообразования. Для современной украинской речи стало вполне возможно образование форм степеней сравнения от прилагательных: а) качественных, называющих неградуированный признак (укр. босіший, сліпійший), б) относительных (укр. найльвівський, найдеський), в) сложных (укр. найзубоскальніший, найкотолюбніший), а также от г) существительных с пропуском стадии прилагательного (укр. ляшкіший — от Ляшко, москаліший — от москаль, фашистійший — от фашист, найетимологіший — от етимолог); д) притяжательных местоимений (укр. твоїша, нашіший); е) наречий (укр. анічиркіше, навпакіше); ж) наблюдается также тенденция к уменьшению частотности использования аналитических форм и к употреблению синтетических (доминантных для украинского языка) компаративных форм прилагательного (укр. юніший). Зафиксировано также употребление исследуемых форм в тавтологических словосочетаниях (укр. найетимологічніший з етимологів, з усіх Андріїв найандрійніший Андрій; ляшкіший за самого Ляшка), что позволяет передать максимальную степень проявления признака и (при необходимости в конкретных контекстах) аксиологические смыслы.

Реализованные модели отмечаются регулярностью, воспроизводят как традиционную грамматическую стереотипность, так и порождают стереотипность в моделировании дополнительных смыслов. Сказанное свидетельствует о формировании стандартных моделей для проявления лингвокреативности, которые в языковом сознании находятся на уровне когнитивных структур. Инновационное формообразование актуализируется благодаря наличию подобных употреблений как прецедентных, т. е. прослеживаем проявление грамматической прецедентности (См. об этом Космеда, Халиман 2013).

5 Лексико-грамматический оксюморон: процессуальность, продолжительность действия / его предельность

Употребление лексико-грамматического оксюморона также связано с функционированием категории вида, в частности с видовыми формами, сочетающимися признаки *процессуальность, продолжительность действия / его предельность*. Выражая значение совершенного или несовершенного вида не все глаголы, как известно, имеют соответствующие видовые корреляты, то есть образуют видовую пару. Глаголы, «обозначающие длительные, неопредельные действия и состояния, не направлены на достижение своей внутренней границы, вообще не могут иметь соответствий совершенного вида» (Вихованец 2004: 229), и, наоборот — отсутствие у глаголов совершенного вида имперфективных коррелятов «обусловлено тем, что действия и состояния, ими обозначенные, не могут быть представлены нецелостно, процессуально» (Вихованец 2004: 229). Описание одновидовых глаголов и их классификация представлены в работах классиков лингвистики — А. Потебни, А. Шахматова, В. Виноградова, а также в многочисленных исследованиях современных ученых.

Языковеды неоднократно отмечали характерную для современной некодифицированной речи продуктивную креативность глаголов в создании видовых пар. Это проявляется, как отмечает, например, Е. Ремчукова, «в легкости и регулярности образования нестандартных перфективных и особенно имперфективных форм, адаптирующихся к потребностям современной речи» (Ремчукова 2003: 68). Такие образования заполняют грамматические лакуны — отсутствующие видовые пары. Е. Ремчукова пришла к выводу, что преодоление одновидовой перфективности более ярко выражается в современной речи и реализуется значительно чаще (Ремчукова 2003: 76). Ученые также утверждают, что «сопротивление лексического материала всегда будет в какой-то степени противодействовать полному вовлечению всех славянских глаголов в систему видовых пар» (Исаченко 2003: 140). Однако, как подчеркивает Е. Ремчукова, лексико-семантические ограничения на самом деле менее фатальны, чем принято считать (Ремчукова 2003: 76).

Такие формы грамматического глагольного употребления привлекают внимание в аспекте актуализации оценочных смыслов, формирования положительной или отрицательной тональности речи, особой грамматикализации категории оценки. Моделируя окказиональные формы, говорящий стремится привлечь внимание к действию, названному глаголом. Грамматическая необычность формы, определенная ее искаженность предусматривает

отрицательную оценку действия, названного новообразованием. Коммуниканты актуализируют потенциальные, но пока еще не реализованные и не общепринятые в языке видовые формы, напр.:

(укр.) — *Абраме! Кажуть, що ти живеш з мою Сарою. — Один раз живнув, а вже кажуть: живеш* (Літературна Україна, 9/12, С. 4) (Нелюба, Редько 2014: 146).

В словаре А. Нелюбы и Е. Редько представлено значение новообразования — ‘одноразовость действия (процесса), названного глаголом *жити*’. Одновидовой глагол несовершенного вида *жити*, как видим, «примеряет» суффикс *-ну-*, имеющий значение единичного внезапного действия, в результате чего глагол обретает переносное значение. Выражение оценки такими формами воспроизводится непоследовательно: говорящий может предусматривать выражение смоделированной формой оценочных смыслов или не предусматривать. Например, с одной стороны, в приведенном выше примере можно противопоставить значение глагольных форм *жити* как длительное, положительное действие и *живнути* как единичное (непродолжительное) и в связи с этим отрицательно маркированное. Однако, с другой стороны, такой окказионализм может указывать только на непродолжительность действия.

В основе создания потенциальной видовой пары в процессе перфективации форм *imperfectiva tantum* происходит переосмысление неопределенного глагола как предельного (Ремчукова 2005: 168). Соответствующее обратное переосмысление происходит и в процессе имперфективации одновидовых глаголов. Вид, как утверждает Г. Золотова, — это «грамматическая категория, выражающая способ, которым говорящий передает свое одномоментное либо длительное восприятие предикативного признака» (Золотова 2002: 27).

В процессе формообразования видовых коррелятов от одновидовых глаголов говорящий пытается представить длительное действие как одномоментное или наоборот, что в случае несоответствии с традиционной реализацией в речи сопровождается оценкой, чаще отрицательной, напр.:

(укр.) — *Ти подумав? — Ще подумую... — Подумує він; — Ой! А я... А давайте бахнемо за знайомство! — Та я думаю, пізно уже бахати!* (з розм. мовл.).

Использованный в последнем примере глагол укр. *бахнути* (в значении рус. ‘выпить’) обычно функционирует в форме совершенного вида. Моделируя форму несовершенного вида, один из собеседников превращает ограниченное пределом целостное действие в действие, не обладающее этим признаком и, как следствие, выражает к нему свое отрицательное отношение. Употребляя окказиональные видовые формы, говорящие часто иронизируют над своими действиями: (укр.) *Я завжди в цьому місті починаю заблукувати* (з розм. мовл.). Такие образования связаны с переосмыслением предельного глагола как неопределенного для реализации конкретных коммуникативных интенций. Приведенные немногочисленные примеры со словарей современных инноваций и современной разговорной речи свидетельствуют о том, что исследуемая модель только формируется на современном этапе и характеризуется низкой частотностью употребления.

6 Выводы

Итак, в современной украинской речи наблюдается активное проявление лингвокреативности, что, в частности, реализуется в моделировании лексико-грамматических оксюморонов — окказиональных форм, образование которых позволяет языковым знакам выполнять новые функции и выражать новые смыслы. Кроме того, таким образом оценочные значения обретают иные способы выражения.

Возникающее в процессе креативного образования определенных грамматических форм (лексико-грамматического оксюморона) несоответствие грамматического значения лексическому наполнению решается в пользу коммуникации — образованная форма выражает прагматические смыслы, в частности и оценочные. Такие модификации свидетельствуют о многогранности языковых знаков и способствуют развитию языковой системы. Особой производительностью в системе описанных типов отличаются образования множественных форм сингулятивов и креативных форм степеней сравнения.

Изучая новые явления современного украинского языка, не следует ограничиваться констатацией нарушения сложившихся литературных норм. Кроме того, учитывая регулярную воспроизводимость, очевидно, неуместно утверждать о нарушении языковых норм, наоборот, необходимо дополнить лингвистическую литературу описаниями новых функций языковых единиц, комментариями о специфике порождаемых значений, факте создания новых прагматических норм. Возникает потребность в кодификации соответствующих тенденций в грамматиках украинского языка, фиксации и объяснении новых семантических оттенков в лексикографических источниках, что, как представляется, актуально и для дискурсивной практики других славянских языков.

В перспективе планируем продолжить анализ грамматических средств моделирования тропов для создания целостной теории грамматики оценки.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитрий Иосифович АРБАТСКИЙ, 1972: Множественное число гиперболическое. *Рус. яз. в шк.* 5, 91–96.

David BENNETT, 2013: Grammaticalisation, Lexicalisation, and Frequency: Evidence from Clitics. *Slavia Centralis* 6/2, 6–19.

Виктор Владимирович ВИНОГРАДОВ, 2001: *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. Москва: Высш. шк.

Іван ВИХОВАНЕЦЬ, Катерина ГОРОДЕНСЬКА, 2004: *Теоретична морфологія української мови: Академ. граматики укр. мови*. Київ: Унів. вид-во «Пульсари».

Ирина Борисовна ГОЛУБ, 2003: *Стилистика современного русского языка*. Москва: Айрис-пресс.

Літературознавчий словник-довідник, 2007. Ред. Роман Гром'як, Юрій Ковалів, Василь Теремко. Київ: Вид. центр «Академія».

Людмила Володимирівна ДЕЙНА, 2016: *Суб'єктивна та об'єктивна оцінка в українському щоденниковому дискурсі: дисертація*. Полтава.

- Петро ДУДИК, 2006: Про стилістичні параметри граматичних категорій і граматичних значень іменника. *Актуальні проблеми дослідження граматики та лексикології*. Вінниця: ВДПУ ім. М. Коцюбинського. 10–17.
- Світлана Борисівна ЗАВАЛІЙ, 2015: *Типологія оксиморонних синтагм у поезії другої половини ХХ – початку ХХІ століття: автореферат*. Київ.
- Андрей Анатольевич ЗАЛИЗНЯК, 1977: *Грамматический словарь русского языка: Словоизменение*. Москва: Русский язык.
- Галина Александровна ЗОЛОТОВА, 2002: Категорія часу і види з точки зору тексту. *Вопросы языкознания* 3, 8–29.
- Александр Васильевич ИСАЧЕНКО, 2003: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология*. Москва: Языки славянской культуры.
- Оксана Михайлівна КАЛИТА, 2013: *Засоби іронії в малій прозі (кінець ХХ – початок ХХІ століття)*. Київ: Видавництво НПУ імені М. П. Драгоманова.
- Жанна Василівна КОЛОЇЗ, 2007: *Українська оказіональна деривація*. Київ: Акцент.
- Тетяна Анатоліївна КОСМЕДА, Оксана Володимирівна ХАЛІМАН, 2013: Явище прецедентності в аспекті граматики оцінки (на прикладі аналізу граматичного значення минулого часу). *Лінгвістичні студії* 26, 36–40.
- Светлана Яковлевна МАКАРОВА, 1982: Значение и функция имени собственного, употребленного во множественном числе. *Лексика и словообразование русского языка*. Рязань: Ряз. орд. «Знак почета» гос. пед. инст. 56–60.
- Любов Іванівна МАЦЬКО, Олеся Михайлівна СИДОРЕНКО, Оксана Михайлівна МАЦЬКО, 2005: *Стилістика української мови*. Київ: Вища школа.
- Анатолій НЕЛЮБА, Євген РЕДЬКО, 2014: *Лексико-словотвірні інновації. 2012–2013: словник*. Харків: Харк. іст.-філол. т-во.
- Борис Юстинович НОРМАН, 2006: *Игра на гранях языка*. Москва: Флинта: Наука.
- Светлана Викторовна ПИВОВАРОВА, 2009: *Лексикализация форм множественного числа имен существительных в современном русском языке (в аспекте анализа их концептных значений): автореферат*. Барнаул.
- Исаак Иосифович РЕВЗИН, 1969: Так называемое «немаркированное множественное число» в современном языке. *Вопросы языкознания* 3, 102–109.
- Елена Николаевна РЕМЧУКОВА, 2005: *Креативный потенциал русской грамматики*. Москва: Изд-во РУДН.
- , 2003: Потенциал категории вида в дискурсе. *Вестник РУДН, Серия «Лингвистика»* 4, 67–80.
- Дар'я РЯЗАНЦЕВА, 2011: Порушення норми при ступенюванні прикметників. *Культура слова* 74, 73–74.
- , 2013: *Прикметник сучасної української мови у вимірах граматики оцінки: дисертація*. Харків.
- Словотворчість незалежної України, 2012–2016; словник, 2017*. Укл. Анатолій Нелюба, Євген Редько. Харків: Харківське історико-філологічне товариство.
- Вікторія Григорівна СУХЕНКО, 2017: Мовна картина світу українців крізь призму оксиморона. *Science and Education a New Dimension, Philology* V 34/124, 72–75.
- Гульшат Ахматхановна ХАЙРУТДИНОВА, 2009: *Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка: автореферат*. Казань.

Оксана Володимирівна ХАЛІМАН, 2019: *Грамматика оцінки: морфологічні категорії української мови*. Харків: Майдан.

—, 2010: *Морфологічні засоби вираження категорії оцінки в сучасній українській мові: рід і число: дисертація*. Харків.

Іван Григорович ЧЕРЕДНИЧЕНКО, 1962: *Нариси з загальної стилістики сучасної української мови*. Київ: Рад. школа.

SLOVNIČNA SREDSTVA OBLIKOVANJA TROPOV KOT PRODUKTIVNI PREDSTAVNIKI OCENJENIH VREDNOSTI V SODOBNEM UKRAJINSKEM JEZIKU: LEKSIKALNO-SLOVNIČNI OKSIMORON

Članek predstavlja izbrane vidike slovničnega vrednotenja, in sicer značilnosti oblikovanja leksikalno-slovničnih oksimoronov za izražanje aksioloških pomenskih odtenkov vrednosti v ukrajinskem jeziku.

Delovanje leksikalno-slovničnega oksimorona temelji na modeliranju oksimoronskih slovničnih oblik. V postopku take tvorbe pride do nezdružljivosti slovničnega pomena oblike in leksikalnega pomena, do notranjega kontrasta med formo in preostalim obrazcem. V procesu funkcijskega besedišča v ne-moči za nekatere besedne oblike nastane učinek slovnične podobnosti. Zvočnik zapolni določene jezikovne vrzeli zaradi pomanjkanja pripravljenih orodij v sistemu, kar ga privede do pogojne idealnosti. Tako se uresničuje jezikovna sposobnost za uspešno izvajanje določene komunikacijske situacije.

Za mehanizme tvorbe jezikovnih enot na podlagi nasprotujoče si združljivosti leksikalne in slovnične semantike so značilni: edninskost – množinskost, množina – ednina, brezstopenjska značilnost – stopnja izražanja značilnosti, postopek in trajanje aktivnosti – njegove omejitve, ki je povezana z ustvarjalnim oblikovanjem slovničnega pomena števila, slovničnega pomena vrste in tudi s tvorjenjem oblik stopenj primerjave. Analizirane oblike izražajo sekundarne pragmatične pomena, zlasti vrednotenjske. Za posebno uspešen način izražanja med vrstami, najdenimi v sodobnem ukrajinskem jeziku, sta značilna oblikovanje občasnih množinskih oblik in ustvarjalno modeliranje oblik stopenj primerjave.